

Пассаж (Дерибасовская, № 33, Преображенская, № 34)

Продолжаем серию публикаций, посвященных традициям градостроительства, архитектуры, риэлторства Одессы и связанным с ними общественным бытом. Неизменный спонсор этой рубрики, агентство недвижимости "Капитал", уже 11-й год плодотворно работает на отечественном рынке недвижимости. Настоящая публикация посвящена одному из самых приметных архитектурных раритетов – Пассажу.

Известнейший историко-архитектурный комплекс, нынешний Пассаж, пережил в своей эволюции три основные стадии. О ранней его истории, а точнее, предыстории, сохранились прелюбопытные документы в Государственном архиве Одесской области. Первый из них – обстоятельная запись в "Крепостной книге Одесского коммерческого суда". Из нее мы узнаем, что 3 марта 1822 года одесский купец первой гильдии Михаил Антонович Крамарев купил два дома в VI квартале, места №№ 54, 57 и 58, у доверенных лиц, представляющих наследниц покойного владельца статского советника Федора Петровича Бенкена. Доверенными лицами выступали мужья дочерей последнего, Елены и Марии, полковник Охотского пехотного полка Василий Тимофеевич Соловкин и подполковник 31-го егерского полка Петр Степанович Лишин.

Вероятно, брат Бенкена, Клосс (Клодт?), который значился тогда комиссионером 8 класса (одно время он служил смотрителем местного военного госпиталя), и его супруга Констанция Антоновна упоминаются в архивном деле 1808 года как владельцы участков в Малом переулке и по вновь проектируемой улице, впоследствии получившей название Надежная, Надежинская и, наконец, Гоголя. Впрочем, это может быть одно и то же лицо, ибо современные означенным событиям писари нередко воспроизводили иноязычные имена и фамилии довольно приблизительно, что, случается, можно проверить, если оригинальные подписи самих просителей латиницей разборчивы. Еще раз комиссионер 8 класса Бенкен упоминается как владелец участка, отведенного 4 мая 1811 года и впоследствии переданного коллежской советнице Каролине Бларамберг, супруге неизвестного пушкинского знакомого, основателя одесского музея древностей.

В свою очередь, Ф.П. Бенкен приобрел один из перешедших к Крамареву

вым домов "по купчей от жены умершего придворного метрдотеля Ивана Бертена Марии" 16 июня 1811 года, а второй — у коммерции советника Ивана (Жана) Рено 16 марта 1812 года. Из прошения, поданного этим последним в Строительный комитет 12 февраля 1812 года, впрочем, видно, что и тот, в свою очередь, приобрел дом на местах №№ 57-58 у коллежского assessора Андрияша, который на момент подачи этого прошения уже имеет чин надворного советника. Что говорит о некоторой давности означенной покупки, однако это не могло произойти ранее 1801-1802 годов, ибо А.А. Скальковский фиксирует: "Недавно переселившийся в Одессу коммерции советник Иван Рено получил от русского правительства позволение принять на себя звание агента коммерции (то есть консула) Французской республики в Одессе и других черноморских портах (указ 3-го июля 1802 года)". Во всяком случае, изначально, в ходе межевания города, оные места были отведены инженерной командой некоему капитану Беляку.

Оба дома куплены Крамаревым за 23 тысячи рублей государственными ассигнациями, а габариты их таковы: "По площади к дому купца Хаджи Мими (по Преображенской в сторону Греческой. — О. Г.) — тридцать семь с половиною, а по Рыбасовой улице — тридцать сажений и два аршина". Старинный греческий род Мими и упомянутый дом, которым они владели многие десятилетия, начиная с 1810-го, хорошо известны в региональной истории. В метрических книгах греческой Свято-Троицкой церкви есть запись о кончине Ефимии Хаджиевны Мими, двухлетней дочери Хаджи Мими, последовавшей 24 мая 1822 года. После смерти хозяина, в 1824 году, дом отошел к его супруге Марфе и сыну Николаю Мими.

Другие архивные документы, относящиеся к этим домам, хранятся в фонде Одесского строительного комитета. 20 февраля 1825 года М.А. Крамарев подает в этот комитет прошение на выдачу ему открытого листа, то есть владельческой квитанции на выстроенные на указанных участках домостроения. Через два дня, после положенной процедуры освидетельствования, архитектор Ф.К. Боффо докладывает, что строения соответствуют заведомо утвержденному комитетом плану, и 26 февраля Крамарев получает открытый лист. В новом доме Крамарева вскоре обосновался магазин мод г-жи Гейдеман. Через несколько лет, а именно 22 мая 1830 года, Городовой магистрат в лице бургомистра Якова Тихова запрашивает Строительный комитет о свидетельстве на оные дома Крамарева, вероятно, в связи с оценкой и раскладкой налога с недвижимости в городскую казну.

На плане города, составленном архитектором Г.И. Торичелли в 1828 году, конфигурация всех флигелей отлично просматривается. Они зани-

мали большую часть нынешнего квартала по Преображенской и весь квартал от Дерибасовской до Колодезного переулка (с 1830 года). На пересечении Преображенской и Греческой располагались два флигеля упоминавшегося греческого семейства Мими: меньший, угловой, где теперь казино "Мираж", а за ним, торцом к Преображенской, — другой, в форме клюшки. А далее, в направлении Дерибасовской, — два симметричных, почти равновеликих, в форме угольника, флигеля, а между ними проезд в обширный двор. Во дворе помещался еще один двухэтажный флигель, прямоугольный в плане и параллельный фасадным. Со стороны Дерибасовской эта часть комплекса замыкалась еще одним домом, по красной линии, разобренным с угловым другим въездом в тот же двор.

Если сравнить план 1828 года с более ранним, 1814 года, то отчетливо видно, что конфигурация строений на участках №№ 54, 57 и 58 изменилась: так, например, появился фасадный флигель со стороны Преображенской, построенный до момента выдачи Крамареву открытого листа, то есть не позднее начала февраля 1825 года. Сроки строительства можно уточнить, если учесть, что после покупки Крамаревым двух домов они некоторое время сдавались в аренду под различные заведения. Скажем, в 1822-м и первой половине 1823 года знаменитый Цезарь Отон содержал здесь кухмистерский стол и выражал желание завести гостиницу. Вскоре, однако, он перебазировался в дом Рено в начале Ришельевской, где открыл ресторацию при существовавшей там гостинице, и, судя по всему, именно по причине начавшейся перестройки зданий. Очень может быть, что Пушкин бывал у Отона в доме Крамарева еще до окончательного переезда в Одессу летом 1823-го, в ходе предыдущих вояжей из Кишинева.

Вторая часть принадлежавших Крамареву строений (Дерибасовская, № 31) образовывала в плане прямоугольник, обращенный длинной стороной к Дерибасовской, а короткой — к Колодезному переулку, и имела въезд во двор со стороны первой. Это были места №№ 55 и 56 в том же VI квартале, купленные летом 1830 года. Прежде места и дома на них принадлежали наследникам поручика Сильвестра Дельсасова (итальянского происхождения, del Sasso) и его жены Марии, а первым владельцем при межевании города значится прапорщик Клаудерист. Занимательно, что подпись Сильвестра дель Сассо мы находим под письмом членов Одесского магистрата к императору Павлу от 8 февраля 1800 года, приложенным к знаменитому подношению — 3000 отборных померанцев. Дель Сассо был попечителем сооружения католического храма, что характеризует его как авторитетного прихожанина. В его доме, к слову, в середине 1820-х

помещалось заведение французского булочника Луи Николаса, приготовившего знаменитые "франзоли". Она недвижимостью поступила в публичную продажу по решению Одесского коммерческого суда уже в начале 1828 года и была оценена в 25.500 рублей государственными ассигнациями, принося ежегодно 2.670 рублей. По ряду причин торги затянулись. На этом месте Крамарев на общий с супругой Анисьей капитал выстроили новый дом, освидетельствованный Г.И. Торичелли, который, судя по всему, и составил проект фасада, 19 октября 1837 года. Дворовые постройки дома № 31 были тоже двухэтажными и сохранились по сию пору! Оба въезда с Дерибасовской — как в доме № 31, так и в доме № 33, — в ходе этой перестройки ликвидировали.

Домовладелец Михаил Антонович Крамарев был человеком весьма известным и уважаемым в Одессе 1810-1830-х годов. Купец первой гильдии, один из директоров Одесской конторы Государственного коммерческого банка от купечества, член совета Приказа общественного призрения, попечитель Городской больницы, во время чумной эпидемии — один из деятельнейших комиссаров, сотрудник Строительного комитета, Крамарев пользовался огромным авторитетом и влиянием, скажем, выступал оценщиком недвижимости, исполнял обязанности думского казначея и проч. Созданный им торговый дом упоминается еще в реестре крупных коммерческих фирм эпохи Ришелье.

А теперь — совершенно авантюрный сюжет в духе современных телесериалов. Во втором томе очерков быта старой Одессы А.М. де Рибаса, недавно изданном Одесской государственной научной библиотекой имени М. Горького, сообщается удивительная история о Крамареве, каковая, вероятно, могла произойти только в юном приморском городе. По словам Александра Михайловича, солиднейший негоциант на поверку оказался беглым крепостным! И вот однажды его признал бывший хозяин, крупный землевладелец (то ли Шереметьев, то ли Бахметьев), приехавший в Одессу по каким-то торговым делам или просто для развлечения и "морских купаний". Помещик этот, что называется, "сделал скандал" и потребовал возвращения беглеца. Формулировка "за давностью лет" тогда не работала, и возник юридический казус. С одной стороны, мы имеем заслуженного гражданина, а с другой — личную собственность помещика.

А вот разрешение этой коллизии в пересказе де Рибаса выглядит несколько анекдотическим. Он говорит, что самодур помещик согласился все забыть и простить, если Крамарев, надев простое крестьянское платье, проедет с ним по городу на запятках его кареты в первозданном качестве

дворового человека, лакея. И что именно так оно и получилось, то есть молодой уже купец первой гильдии вынужден был принять это предложение, за что получил "вольную", но, будучи посрамленным, сильно захворал, а потом и преставился. Как было на самом деле, сказать трудно. Полагаю, что вся история основательно "отредактирована". В молодой Одессе некоторые беглые действительно составляли головокружительную, буквально фантастическую карьеру. На первых порах отдельных из них уличали и возвращали назад. Но едва ли такое было возможно во второй половине 1830-х, тем более что всемогущий М.С. Воронцов в таких случаях всегда умел постоять за своих и уладить дело миром. Кроме того, в Государственном архиве Одесской области сохранилось немало собственноручно написанных Крамаревым деловых бумаг, из которых видно, что был он человеком довольно образованным, а это как-то не вяжется с биографией беглого крепостного.

И еще один красноречивый факт. Согласно архивным документам, Крамарев причислен в одесское третьей гильдии купечество 26 ноября 1803 года. Рассказанная же де Рибасом история может относиться ко времени, отстоящему от этой даты почти на 35 лет! Трудно поверить, что в подобной ситуации вообще возможно "опознание".

Упомянутая история как-то не состыкуется и со следующим эпизодом биографии семейства Крамаревых. Как раз тогда, когда Михаил Антонович приобрел дома на Преображенской и Дерибасовской (ему также принадлежало несколько лавок на Греческом базаре), греческие купцы, получив соответствующее разрешение, заложили тут же, на Александровской (Греческой, Северной) площади, Сретенскую церковь. Возведенный до цоколя, этот храм по ряду причин, прежде всего, материальных, достроен не был. В 1833 году неоконченная постройка была продана с торгов М.А. Крамареву, который обязался довести дело до конца, однако это ему было не суждено: в 1838 году он ушел из жизни. В 1839 году цокольный этаж разобрали (позднее на его месте свои дома построил близкий к Воронцову чиновник А.И. Маюров), а в 1842-м его вдова на свои средства развернула сооружение Сретенского храма на площади Нового базара, каковой храм благополучно освятили в 1847-м.

Но вернемся к домам Крамарева. Тот, что по Преображенской и Дерибасовской, — один из самых лучших, а судя по материальной оценке, и вообще самый лучший в Одессе тех времен: построенный в духе русского классицизма, с пилястрами по фасаду, самый протяженный, двухэтажный, на высоком цоколе. Как достопримечательность дом Крамарева по-

казывали Николаю I в ходе визита императора в Южную Пальмиру — тут как раз проходила первая Одесская выставка, демонстрировавшая российскому монарху "народные достижения" города и края под руководством Воронцова в 1823-1837 годах. Несколько отделов обширной экспозиции занимали, понятно, много места. В естественнонаучном отделе экспонировались, например, строительные материалы: все типы известняка ("дикарь", "плитняк", "штучный камень"), местные и бахмутские глины, черепица заводов генерала Лехнера и полковника Третеского. Выставлялась флористическая коллекция Новороссии и Бессарабии, в том числе гербарий профессора Ришельевского лицея и директора местного ботанического сада А.Д. Нордмана, семена полевых и садовых растений, садовые плоды, собрания насекомых "и особо саранчи в разных ее возрастах", работы таксидермистов.

В другой части экспозиции можно было видеть производимую в крае шерсть тонкорунных овец, шелк (один из производителей — "майор де Рибас"), пух ангорских коз, канаты и шпагаты (Новикова, Плотникова, Афанасия и Ивана Мешковых), искусственные минеральные воды, ликеры, наливки, ром (ром производил один из первых жителей Одессы — коллежский советник Гамалея), сало, свечи и мыло Санценбахера, крахмал Пишона, макароны Жюльена и Розетти, сигары, нюхательный табак и проч. В ремесленном отделе экспонировались слесарные изделия немецких мастеров Ангерта, Гутьяра, Риппа и Виса, столовые приборы ювелира Дютфуа, стол с виньетками известных исторических персонажей Гавриленко, люстра художника Ковшарова, эпoletы Вишневецкого, корсеты Цеткиной и др.

В числе технических новинок презентовались изобретения известного ученого и инженера Жюста Гаюи: "насос, употребляемый для приготовления минеральных вод", ручная мельница, модель установки для бурения гидрогеологических скважин, "сеносжимательный пресс". В художественном отделе выставили многочисленные произведения искусства: картины Бокаччини, Валентини, Ваникина, Контини, Михайлова, "два портрета работы госпожи Гаюи", рисунки Боссоли, литографии Кленова, "картины, шитые шерстью", "ящик из кораллов", ювелирные изделия (Лардон, Сантамария, Розегутта), музыкальные инструменты (Гааз), часы, оптику, мебель (Коклен) и даже "конфетную пирамиду кондитерской Замбрини". Короче говоря, дом Крамарева был и в самом деле грандиозным сооружением в масштабах Одессы тех давних лет. Между прочим, тут квартировали и давали уроки живописи профессиональные портретисты Андрей

и Александр Гинц, исполнявшие и миниатюрные портреты, в том числе и монтирующиеся в кулоны и брегеты.

Как видно из сохранившихся гравюр и литографий, упоминавшийся проезд между двумя флигелями дома со стороны Спасо-Преображенского собора был ликвидирован, и его заменил парадный вход, украшенный классическим фронтоном с шестью колоннами. Жилье здесь считалось чрезвычайно престижным. В доме Крамарева квартировал "брат милый", Лёвущка Пушкин, служивший чиновником в одесской портовой таможне. В свою очередь, в гости к нему приходили представители интеллектуальной элиты города, именитые приезжие. Как свидетельствуют мемуаристы, Николай Васильевич Гоголь "не раз приходил" ко "Льву Сергеевичу в дом Крамаревой, на Дерибасовской".

Но мы говорим уже о второй половине 1840-х — начале 1850-х годов, а задолго до этого, еще при жизни М.А. Крамарева, в первые месяцы 1832 года тут обосновалась одна из старейших и заслуженных в городе аптек — немецкого фармацевта Карла Вильберга. Здесь можно было приобрести не только медикаменты, в том числе гомеопатические, но и косметические товары, а также семена, доставляемые из знаменитой "Петровской аптеки" в Лубнах, из Крыма и т. д. В начале 1840 года аптека на долгие годы перешла в ведение другого фармацевта из Германии — Генриха Кохлера, который, между прочим, числится в энциклопедии русского масонства. Кохлер именовал свое заведение не иначе как Фармацевтическим магазином, в котором, кстати, тоже можно было найти не только традиционные аптечные товары и косметику, но, например, "чернила, нарочно для стальных перьев". Зубная паста, именовавшаяся "зубным тестом", появилась у Кохлера впервые в Одессе, в середине 1860-х: коробочка стоила по тем временам не так уж мало — 1 рубль. Он же первым снабжал одесситов патриархальными дезодорантами.

В 1867-м аптекарский магазин Кохлера перешел к новым владельцам, известнейшим в дальнейшем содержателям отдельных собственных аптек — Кестнеру и Пискорскому. Помимо фармацевтических материалов они реализовывали "химические препараты, снаряды и предметы для фотографий". Что касается бывшего владельца, то он целиком занялся парфюмерией и оставил за собой косметический магазин все в том же доме Крамаревой. В начале 1870-х, когда хозяевами дома были уже Синицыны, Г. Кохлера сменил Ф. Залесский, продержавшийся тоже довольно долго. Вот объявление его заведения 1872-1873 годов:

"Депю разных заграничных косметических товаров Ф. ЗАЛЕССКОГО, на углу Дерибасовской и Преображенской ул., в доме Синицыной, в Одессе.

Пудра, помада, душистые масла, духи, мыло, туалетный уксус, краски, фиксатуары, сухие и жидкие белила, кольд-крем, крем для бритья, амбре, колонская вода, курительные свечи, курительный порошок и прочие и т. п. вещи для туалета, из фабрик: "Виолет", "Любен", "Легрант", "Желе фрер", "Сосиете Гижииеник", "Доктора Перье" и проч. в Париже и "Бейлэй и К", "Аткинсон и Римеля" в Лондоне.

Вновь открытый магазин галантерейных принадлежностей с огромным выбором ДЕТСКИХ ИГРУШЕК лучших русских и иностранных фабрик.

Магазин помещается рядом с косметическим магазином".

В середине 1870-х Кохлер вновь возвращает себе аптекарский магазин. Аптеки и косметические магазины традиционно базировались в этом доме вплоть до самого строительства Пассажа в конце 1890-х, о чем будет сказано ниже, здесь же квартировали городские и вольнопрактикующие врачи. Однако с первых десятилетий XIX века тут помещались и другие заведения и институты. Так, во второй половине 1830-х — 1840-х годах в доме Крамарева находилась одна из лучших виноторговых фирм — Ивана Иснара, действительного члена Общества сельского хозяйства Южной России, выдающегося садовода, виноградаря и винодела, владельца завода шампанских вин — первого в Одессе, выкупленного им у графа Льва Нарышкина. Не следует думать, однако, будто здесь реализовывались исключительно вина: четкая специализированная торговля появилась позднее, а тогда (10 апреля 1837 года) в "Одесском вестнике" можно было прочесть, например, следующее: "В магазине купца Иснара, на де-Рибасовой улице, в доме Крамарева, продаются по сходной цене свежие семена сахарной свекловицы". Позднее сюда, уже в "дом генеральши Синицыной", переехал с Греческого базара огромный бакалейный магазин Ильи Пано:

"Магазин снабжен самым богатым выбором всякого рода бакалеи, — сообщает реклама, — как русского, так и заграничного производства. Господа потребители найдут в нем по самым умеренным ценам хороший чай, табак, заграничные и крымские вина, всевозможных сортов консервы лучших заграничных фабрик, местные и заграничные фрукты и проч. Заказы для иногородних как в большом, так и в малом количестве исполняются добросовестно и аккуратно".

Крайне любопытно, что летом 1873 года в дом Синицыной переехала знаменитая кондитерская Евгения Замбрини — вход помещался со стороны Дерibasовской. Тогда же, в 1870-х, в доме на углу Преображенской и Дерibasовской находилась Контора нотариуса Одесского округ-

ного суда, известного юриста В.О. Половинского. 9 октября 1876 года здесь открылась библиотека Максимова и Бортневского (впоследствии — Дубецкого), одна из лучших в городе. В разные годы тут помещались Земская управа, Цензурный комитет, Одесская уездная земская управа и прочие казенные учреждения.

Но поговорим о смене владельцев: сначала в 1840-е, а затем — в начале 1870-х.

Как видно, например, из реестра домам и прочим строениям, подлежащим полупроцентному сбору в доход города с 1848 года, два больших флигеля угольной формы, впоследствии соединенные парадным входом, о которых говорилось выше, принадлежат уже разным владельцам. Угловой, граничащий с Дерibasовской, — "жене коммерции советника Крамарева", упоминавшейся Анисье, а следующий, по Преображенской — "коллежской ассессорше Анне Синицыной", каковую впоследствии именуют уже "генеральшей". Часть дома, принадлежащая Крамаревой, оценена в 44 тысячи рублей серебром, а вторая, доставшаяся Синицыной, — в 38.600 рублей. Как это можно объяснить?

В числе сотрудников Одесской конторы Государственного коммерческого банка первой половины и середины 1830-х годов помимо М.А. Крамарева мы находим и "директора от правительства" — чиновника 5-го класса и кавалера Ивана Пахомовича Синицына. Сын его, чиновник 9-го класса Андрей Иванович, служил в том же учреждении бухгалтером. Синицын-младший впоследствии сделал карьеру, дослужившись до старшего директора этого банка в чине коллежского советника. Другой сын, Дмитрий Иванович, действительный статский советник, в 1860-е был председателем в Комитете иностранной цензуры и обитал в доме Крамаревых. А потому и выходит, что супруга его автоматически повышала свой социальный статус. Совершенно очевидно, что семейства Крамаревых и Синицыных просто-напросто породнились посредством брачных уз. В середине 1850-х Синицыным принадлежал уже и весь комплекс строений по улице Дерibasовской, № 31, впоследствии купленный у них видным предпринимателем и общественным деятелем А.М. Бродским, а далее — и дом по Дерibasовской, № 33.

К слову, много лет спустя владелицу дома на углу Дерibasовской и Преображенской, Синицыну, принуждали уплачивать дополнительный налог в городскую казну за то, якобы, что колоннада со стороны Преображенской — как бы несанкционированный заступ на городскую землю. На самом же деле, по словам муниципальной газеты, "дом ее существует

уже около 50 лет, построен по утвержденному правительством плану и фасаду, возведен и укреплен на колоннадах, служит украшением центра города, от начала своего существования никакими выступами не увеличился". Оценка этого домостроения сначала выросла до 62 тысяч, а в начале 1879-х — до 75 тысяч, а это автоматически означало 20-процентное увеличение налога по недвижимости.

В первом выпуске "Трудов Одесского статистического комитета" (1865) имеется перечень городских колодцев, составленный в 1861 году, из которого видно, что в доме "почетной гражданки Крамаревой" на Дерибасовской улице эксплуатируется самый глубокий в 1-й части колодец — в 23 сажени! В том же томе есть и реестр мин (подземных выработок типа катакомб) под жилыми домами. Так вот здесь мы находим и две мины с одним ответвлением под домом Сеницыной на Дерибасовской и еще две мины с четырьмя ответвлениями под домом Крамаревой на Преображенской. Мины эти были довольно обширными и использовались как складские помещения.

В 1870-1880-х бакалейную торговлю в доме Сеницыной представлял роскошный гастроном М.П. Полинова: "Товары лучшего качества, цены умеренные, заказы господ иногородних покупателей по требованиям высылаются немедленно и аккуратно". В середине 1870-х он реализовывал, например, лучшее отечественное шампанское, так называемое "ланинское": "РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ Н. ЛАНИНА. Похвальный отзыв. Медали: 1852, 1860, 1864, 1865, 1869, 1870, 1871 годов. Продается в бакалейных магазинах М. Полинова, Дерибасовская ул., д. Сеницыной, и Полицейская ул., д. Бернштейна". Любители более крепких напитков тоже не были обойдены вниманием рачительного хозяина: "ВАРШАВСКИЕ ВОДКИ получены и продаются в магазинах М.П. Полинова". Этот видный "гастрономист", между прочим, жертвовал самые изысканные продукты в пользу российских волонтеров, сражавшихся в Сербии в 1876 году.

Тут же помещался "Склад всех сортов бумаг, галантерейных вещей, канторских, чертежных, рисовальных и живописных принадлежностей, большой выбор багетов для рам — от дешевых до самых изящных" немецкого предпринимателя Г.Г. Гезелле, отец которого занимался в Одессе переплетным ремеслом с 1833 года. При магазине функционировала мастерская переплетных и галантерейных изделий. В 1900-1910-х годах Густав Густавович издал одну из интереснейших серий почтовых открыток с видами Одессы. Здесь уместно сказать, что задолго до Гезелле, в 1875 году, сюда, в дом Сеницыной, были перенесены из дома Абрамсона, на Ека-

терининской, "СКЛАД БУМАГИ высочайше утвержденного товарищества Дитятковской фабрики, ПЕРЕПЛЕТНАЯ и ГРАФИЛЬНЯ И. МАХА". Иван Мах впоследствии стал самым известным в городе фабрикантом и торговцем канцелярскими товарами, некоторые из которых сам и производил — в первую очередь, гимназические тетради, различные папки, альбомы, амбарные и конторские книги и проч.

Продолжал функционировать парфюмерный магазин Ф. Залесского, "снабженный всеми косметическими средствами — как заграничного, так и русского производства, равно и собственного изделия". В этом же доме, со стороны Преображенской, помещалась и одна из самых известных в городе фотографических мастерских — "Русская фотография" братьев Грабяз, заслужившая отличия на ряде выставок. Еще в самом начале 1880-х партнером аптекаря В.Л. Пискорского стал А.Э. Гаевский. Знаменитая впоследствии аптека Антона Гаевского обосновалась в доме Сеницыной до второй половины 1890-х, когда переехала в дом Руссова, на улице Садовой, № 21, где и находится по сию пору. После ухода Пискорского напарником его сделался А. Поповский. Помимо медикаментов аптека торговала, например, стерилизованным молоком.

В начале 1890-х бакалейный и винный магазин М.П. Полинова переживал свой наивысший расцвет, словно бы прогнозируя рождение своего потомка — легендарного Центрального гастронома. "Магазин снабжен всевозможными бакалейными и колониальными товарами, — сообщает рекламное объявление 1893 года, — а также имеются в продаже: консервы разные заграничного производства, кондитерские товары лучших петербургских и московских фабрик. ВИНА: бессарабские, крымские, кахетинские и иностранные, собственного и заграничного разлива: бордоское, рейнское и испанское, а также ром, коньяк и всевозможные ликеры. Русские и заграничные водки: московских, петербургских и рижских заводов. ШАМПАНСКИЕ ВИНА заграничных марок и русские".

В 1894 году этот магазин перешел во владение К. Канцлерова. Тогда же в доме Сеницыной, со стороны Дерибасовской, открылся склад чаев московского торгового дома Д. и А. Расторгуевых. Во второй половине 1890-х здесь же помещалась известное книготорговое предприятие Е.П. Распопова, который чуть позже выпускал карманные путеводители по Одессе. Аптеку Гаевского и Поповского в это время репрезентовал аптекарский магазин Бера. В доме помещалось представительство Дитятковского товарищества писчебумажных фабрик, торговля нефтью и керосином вдовы Вейнштейн, крупнейший мануфактурный магазин Пташни-

кова, цветочный салон Тейхман и масса других заведений, вплоть до танцклассов Адамовских.

Из сохранившихся изображений дома Синицыной этого периода видно, что он был почти одного "роста" с соседним домом Бродского, по улице Дерибасовской, № 31, где помещалась гостиница "Франция" (он был ниже его лишь на высоту карниза). Это был протяженный, в 15 окон, но довольно строгий, без затей, двухэтажный дом с цокольным этажом; по центру фасада со стороны Дерибасовской имелся лишь один скромный балкон, а со двора — протяженные галереи и обширный ледник в полуподвальном этаже. Наличие цокольного этажа обусловило, например, необходимость устройства крыльца со ступеньками, ведущими в аптеку А. Гаевского и А. Поповского.

В 1898 году дом Синицыной приобрел солидный одесский предприниматель Моисей Яковлевич Менделевич. Он был главой крупной торгово-промышленной фирмы "М.И. Менделевич" — экспортной компании, занимавшейся хлебной торговлей и базировавшейся на Еврейской улице, в доме Ксиды. Ему принадлежали и другие значимые домостроения в историческом центре Одессы — на Пушкинской и Маразлиевской улицах, на Екатерининской угол Греческой и другие, но этот поистине обессмертил его имя, ибо возведенный по заказу владельца торговый комплекс стал называть не иначе как "Пассажем Менделевича".

Теперь вряд ли кто знает, что еще в середине 1880-х Пассаж едва не возник совсем в другом месте. Его предполагалось устроить близ Нового базара, в огромном доме Вильгельма Санценбахера, "представляющего собою как бы каре" и выходящего одновременно на три улицы: Садовую, Торговую и Коблевскую. Но затея эта трансформировалась в иную, в результате чего вместо "Пассажа Санценбахера" был построен одноименный, впоследствии знаменитый цирк.

Пассаж, который замечательный писатель-одессит Лев Славин когда-то остроумно сравнил с "огромным пирожным с кремом", строился всего два года — 1898-1899, во что сегодня даже трудно поверить. Главным создателем этого, без всякого сомнения, выдающегося историко-архитектурного ансамбля следует считать блестящего зодчего — Льва Львовича (Леона Леоновича) Влодека. Краткая творческая биография Л.Л. Влодека помещена нами в очерке о гостинице "Большая Московская", а потому здесь мы ее опустим.

Пассаж представлял собой новый тип торгового центра. Ушли в прошлое времена, когда братья Фраполли, Георгий Торичелли и Иван Козлов

строили и перестраивали протяженные патриархальные торговые ряды в один или два этажа, окаймляющие городские рынки и представляющие собой лавки с галереями. Торговые операции перемещаются внутрь сооружений — в торговые комплексы, крытые рынки, пассажи. "Внутри здания (Пассажа. — О. Г.), — пишет известный историк градостроительства Одессы В.И. Тимофеевко, — устроен перекрытый световым фонарем Г-образный в плане зал, по сторонам которого располагались торговые помещения. Интерьеры и экстерьеры пассажа пышно декорированы скульптурой и насыщены барочными лепными украшениями, которые выполнили скульпторы Т.Л. Фишель и С.И. Мильман". Это были те самые скульпторы, с которыми Л.Л. Влодек вскоре изваял еще один свой шедевр — дом Дементьевых и Васильева по улице Дерибасовской, № 29, больше известный как гостиница "Большая Московская" (1901-1904 гг.).

Как справедливо замечает искусствовед А.Е. Голубовская, в облике Пассажа уже явно проявляется крутой поворот от рокайльной эклектики к модерну. "Достаточно обратить внимание, — продолжает она, — на вход в здание, чтобы в свободных позах обрамляющих фигур, в складках одеяний, изогнутых стеблях роз уловить чувственность, несвойственную эклектическим мотивам". А построенная чуть позже, на пике развития стиля, "Большая Московская" поражает бьющей через край фантазией, разнообразие декора создает ощущение пульсации стен, живого, не окостеневшего организма. Новый ренессанс, предвидение кардинальных культурологических перемен — вот настроения модерна, выраженные в стилизованных формах: "Не случайно на аттике одесского Пассажа как символ нового времени застучал колесами паровозик".

Торжественное освящение Пассажа состоялось 23 января 1900 года, а все его подробности сообщают газеты "Одесские новости" и "Южное обозрение". Торговые места, более и менее престижные, были тотчас разобраны многочисленными желающими, поскольку торговля-то была, простите за тавтологию, на бойком месте. Никто и вообразить себе не мог, что уже в следующем, 1901, году Пассаж постигнет настоящее стихийное бедствие — катастрофический пожар. 31 октября "жемчужина Одессы" полыхала среди бела дня и при большом стечении народа: огромные толпы окружали торговый комплекс со всех сторон. К чести одесской пожарной команды, она самоотверженно спасала постояльцев гостиницы и великолепно справилась с тушением: Пассаж почти не пострадал, начисто сгорела лишь башенка, возвышавшаяся над главным входом, на углу Преображенской и Дерибасовской. К ремонтно-восстановительным рабо-

там приступили, что называется, по горячим следам, и вскоре все выглядело так, будто никакого пожара не было вовсе.

Трудно даже перечислить все торгово-промышленные и художественные заведения, предприятия и учреждения, каковые "квартировали" в Пассаже 1900-1910-х годов. И тем не менее, многие стоят упоминания. Начнем непосредственно с одноименной гостиницы и приведем следующее оригинальное объявление тех лет: "Едущим в Одессу рекомендуется самая большая и комфортабельная на Юге России гостиница "Пассаж", Дерибасовская угол Преображенской, в пассаже, против Собора. Владелец А.С. Кулинец. Контрагент Одесского городского общественного управления по отводу номеров для квартирования господ генералов, штаб-и обер-офицеров по удостоверению коменданта г. Одессы. Расположена в самой центральной, оживленной и коммерческой части города, близ бульваров, морских купаний, почты, в районе торговых, административных и правительственных учреждений. Гостиница эта по устройству, безукоризненной чистоте, удобствам и образцовому порядку лучшая в г. Одессе. 162 роскошно обставленных номера, от 1 рубля, с электрическим освещением. Ресторан, читальня, парикмахерская, ванны и души, центральное отопление. Собственная электрическая станция. Подъемная машина. Отделение почты. Просят извозчикам не верить".

Последняя фраза нуждается в комментарии. Суть в том, что одесские извозчики, подкарауливавшие приезжих у вокзала и на пристани, состояли в сговоре с владельцами второстепенных отелей и меблированных комнат, получая от них оговоренный процент в случае доставки новых постояльцев. Об этом-то соглашении и предвещается в объявлении, дабы дилетанты не очутились в каком-нибудь клоповнике.

Что касается содержателей, то о них в Государственном архиве Одесской области можно найти кое-какую информацию. Так, в одном из дел, связанных с открытием отелей, говорится, что с 1 января 1904 года Пассаж содержат одесские купцы Яков Кулинец и Иовель Малис. Впрочем, в справочниках при этом обычно упоминается только первый из них — между прочим, тот самый, что упоминается в перечне жертвователей на сооружение памятника-фонтана Пушкину.

Из крупных предпринимателей, сохранивших место со времен "дома Синицыной" назовем, прежде всего, мануфактурную фирму "Наследники В.Т. Пташникова", предлагавшую "в большом выборе всевозможные сезонные товары: суконные, шелковые, шерстяные, модные бумазеи, мебельные материи, ковры бархатные, джутовые и другие, портьеры, занавеси, теплые

платки, пледы, одеяла, столовое белье, полотна ярославские, костромские и заграничные, а также форменные материи всех учебных заведений". На месте осталась и частная "Библиотека для чтения Е.П. Распопова".

В начале 1900-х в Пассаже обосновались: гастрономический магазин Густава Беккеля, салон открытых писем (то есть почтовых открыток) Г. Эйшиского (между прочим, только в этом салоне можно было приобрести серию почтовых открыток, запечатлевших обстоятельства упомянутого пожара), посудный магазин знаменитого "Товарищества М.С. Кузнецова", здесь реализовывали чай, кофе и сахар не менее именитое московское "Товарищество В. Перлова и сыновей", магазин Е. Власопуло. Тут же устроилась одна из лучших в Одессе ювелирных мастерских, В. Де-Морея. Позднее в Пассаж вселилась известная в городе с давних пор парфюмерная торговля Аудерского-сына. Вот ее объявление 1911 года: "Парфюмерия английская, французская, немецкая и русская. Туалетные принадлежности. Гребни дамские. Расчески черепаховые и роговые. Портмоне. Ридикули. Перчатки. Туалетные зеркала. Щипцы и лампочки. Дорожные флаконы и мыльницы. Щетки: зубные, ногтевые и головные. Парижские брошки и шпильки для шляп. Р.Н. Аудерский. Преображенская, здание Пассажа".

Въехал в Пассаж и еще один авторитетный книжный магазин — "Нового Времени" А.С. Суворина. Здесь не только продавались новые книги по различным отраслям знаний, но и производилась подписка на разнообразные газеты и журналы. Еще один функционировавший здесь книжный магазин — "Посредник", в котором, помимо прочих, продавались издания, уцененные на 30-50%. Кроме того, тут же располагалась еще и книжная торговля "Просвещение". Из других солидных заведений рубежа 1900-1910-х назовем две фирмы, реализующие граммофоны и музыкальные инструменты: "Полякин и сыновья" и Лауры Иозефер (переехала из соседнего дома Мими), которые торговали также нотами. Скрипки, виолончели, мандолины, гитары, балалайки, народные цитры, флейты, корнеты, пианино от "Блютнера", "Юлиуса Фейриха", "Рихарда Липша" и другие, ценою от 450 рублей. Пианино можно было приобрести, обменять, взять на прокат, отремонтировать или настроить в любой момент. Широко практиковались покупки в рассрочку. Не было никаких проблем с приобретением и техническим обслуживанием граммофонов — "Сирена-рекорд", "Клингзор", "Фонотипия", "Акционерного общества граммофонов в Риге", "Пате" и др., покупкой пластинок: односторонних (были и такие!) — от 40 копеек, и двухсторонних — от рубля.

Отдельно следует сказать о ювелирной торговле Якова и Софьи Кохрихт, успешно представлявшей свои изделия на одесской Торгово-промышленной и художественной выставке 1910-1911 годов. В доме их праправнука, редактора историко-краеведческого и литературно-художественного альманаха "Дерибасовская – Ришельевская" Феликса Давидовича Кохрихта, бережно хранятся семейные реликвии: великолепные каминные часы, мельхиоровая ложка с клеймом фирмы, упаковочная коробочка с ее атрибутикой, рекламные объявления магазина и т. д. В годы первой мировой войны Кохрихты первыми наладили производство особо прочных водонепроницаемых часов "для господ офицеров". Магазин Якова Кохрихта открылся в Пассаже одним из первых, тотчас после салона Пташниковых, о чем свидетельствует объявление, помещенное в "Одесских новостях" от 27 января 1899 года.

Тогда же в Пассаже располагался лучший магазин медицинской техники фирмы "В. Нурик", салон живых цветов семейства одесских старожиллов немецкого происхождения Роте, занимавшихся садоводством на протяжении многих десятилетий, мужской конфексион М.-И.А. Крумберга, оптический магазин Л. Корсунского, галантерейные лавки А.М. Мировской, С.М. Тайкача, "Депо белья и модных галантерейных товаров И. Малис", Городское агентство (бюро путешествий) небезызвестного Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ), пивной зал одесского пивоваренного завода Матильды Кемпе и целый ряд других заведений. Опять-таки отдельно надо упомянуть о парфюмерной торговле Ф. Никитена и С. Рапалло, одной из лучших в городе, прославившейся экзотическими сортами мыла, приготовленного по собственной рецептуре. Правнук первого из них живет во Франции, преподает историю в университете, недавно наведывался в Одессу в поисках "корней".

В хрестоматийных 1913-1914 годах помимо перечисленных в Пассаже обитал кондитерский магазин известнейшей фирмы "Bonbons de Varsovie". Разумеется, содержала "Варшавские конфеты" польская предпринимательница Лаура Келбасински. В магазине открытых писем "Художник", где продавались также и писчебумажные товары, хозяйничала Зельда Юделевич. Филателистическую лавку, тоже внутри Пассажа, содержал одессит с экзотической фамилией Фауст, правда, звали его Шимон. Со стороны Преображенской помещалась кофейня Осипа Гургелева, фотосалон Т. Портера и др.

Пассажем к этому времени давно уже владели многочисленные наследники М.Я. Менделевича. А содержателем гостиницы оставался все тот же

Абрам Шмулевич (Самуэлевич) Кулинец, человек довольно состоятельный и уважаемый, домовладелец, состоявший так называемым окладчиком (то есть официальным оценщиком недвижимости, с которой взимался налог в доход города) одного из городских раскладных присутствий.

В 1917 году Пассаж по-прежнему вмещал ювелирную торговлю И. Кохрихта, а также В. Другова, парфюмерную и галантерейную — Аудерского-младшего, магазины: белья — В. Кацмана, галантереи — Я. Гальперина, граммофонов и музыкальных инструментов — Л. Иозефер и торгового дома "Полякин и сыновья", губок — Ф. Георги, игрушек — А. Шиловой, книжный — "Новое Время", ламп — З. Финкеля, обуви — знаменитого Товарищества Петроградского механического производства обуви "Скорород", оптики — Л. Корсунского (в начале века он содержал здесь же салон игрушек), мужской одежды — М. Крумберга, посуды — М. Финкеля, сахара, чая и кофе — Товарищества В. Перлова, чая — А. Власова и др.

В годы нэпа помимо гостиницы в доме часто размещались различные советские учреждения, в том числе — кооперативные, например, Одесское паевое строительное товарищество. Тогда же бывшие работники знаменитого кафе Печеского организовали трудовую артель "Меркурий", занимавшуюся приготовлением изысканных кондитерских изделий, и устроили одно из двух заведений по их реализации на "улице Лассалья, № 33, у входа в Пассаж". В это время гостиница "Пассаж" числится по адресу "улица Троицкого, № 34". В дальнейшем Преображенская получила название улицы 10-летия Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА). А Пассаж, как и другие дореволюционные отели, несколько уплотнили: из 162 прежних номеров соорудили 181.

В конце 1920-х — начале 1930-х в помещении нынешнего Центрального гастронома, словно бы продолжая традиции дореволюционной книготорговли в Пассаже, обосновалось Государственное книжное издательство Украины (то был вообще единственный непродолжительный период отсутствия в этом помещении бакалейной, винной и вообще гастрономической продажи). Рядом, по Преображенской, — торговля канцелярскими принадлежностями и настольными играми, за ними — винный магазин, мастерские готового платья и обуви, далее — вход в гостиницу и галантерея, а еще ближе к улице Греческой — легендарный ТОРГСИН.

Чуть позднее в апартаментах издательства поселился центральный гастроном, просуществовавший многие десятилетия, одно из самых посещаемых торговых заведений советской и постсоветской эпохи. В 2006-м легендарный ЦГ неосмотрительно выселили, заместив его очередным без-

ликим ювелирным салоном, каковых с полдюжины на двух кварталах Дерибасовской. А гастрономов здесь отныне нет совсем: фасадный вход в "Овощной" только что тоже заблокирован. При существующей системе супермаркетов и "шопинга" в выходные дни гастрономы, подобные центральному, служат для повседневных, неотложных покупок. Уничтожать их — означает создавать горожанам неудобства. Полагаю, впрочем, что авантажный "ювелирный пассаж" тут продержится недолго, и все вернется на круги своя.

Как свидетельствует уникальная фотографическая открытка из коллекции М.Б. Пойзнера, запечатлевшая внутренний вид Пассажа в годы оккупации (1941-1944 гг.), функционировал он вполне исправно. Причем вывески магазинов на украинском языке здесь в неприкосновенности сохранились с предвоенной поры: "Дитячий універмаг", "Готовий одяг" и тому подобное.

Остается выразить пожелание об установке на здании Пассажа мемориальных знаков в память пребывания здесь Левушки Пушкина (он ведь и похоронен был в Одессе, на варварски разрушенном во второй половине 1930-х годов Старом кладбище!) и Николая Васильевича Гоголя. Они, право, заслужили. А Пассажу это будет только на пользу.

